

§9 ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Пархоменко Р. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ (XVII–XVIII ВВ.)

Аннотация. В статье показано, что демократические учения в Англии и Франции возникают и теоретически оформляются в эпоху Нового времени из стремления дворянства противопоставить права сословного представительства набирающему политическую силу монархическому абсолютизму. Так, во Франции идея представительства как гаранта личной свободы была результатом тех стремлений, которые они запечатали для развития Нового времени. В этом отношении английские учения непосредственно к ним примыкали. Далее развитие демократических идей в Англии пошло по пути провозглашения прав личности в качестве неотчуждаемых, прирожденных и независимых от народного представительства. В целом можно отметить, что «Декларация прав человека и гражданина» есть результат соединения идей о естественном праве и методологических установок рационалистической философии. В качестве метода исследования использован анализ большого массива как отечественных, так и зарубежных источников, мало изученных у нас в стране. При развитии либеральных идей во Франции XVII–XVIII вв. широко использовался опыт не только английской политической философии и конституционной монархии, но и системы политического устройства в США. Теоретический итог развития политической мысли в США, в свою очередь, был задан английской буржуазной революцией XVII в. и английскими политическими теоретиками XVII–XVIII вв. В США теоретические установки доктрины либерального государственного устройства были успешно воплощены в практической политике и доказали свою силу и жизнеспособность, что сделало их рецепцию особенно привлекательной во Франции. **Ключевые слова:** демократия, либерализм, Англия, Франция, общество, права человека, Новое время, конституция, государство, рационализм.

Если обратиться к изучению развития политической мысли в Европе, то можно выделить два основных периода такого развития: древний мир и эпоху Нового времени. При этом особняком стоит восточная мысль — на востоке политика сливается в религию. Также и сегодня в восточных государствах мало что изменилось — религия господствует там неограниченно, совершенно так, как это было и у западных народов во время их первоначального развития, когда общество было заключено в состоянии первобытного единства. Сама эта цельность тормозит развитие отдельных личностей и, как следствие этого, на Востоке очень слабо развиты представления о демократических учениях. По справедливому замечанию Б. Н. Чичерина, Восток «коснеет в неподвижности. Развитие человечества начинается там, где различные области духа освобождаются от теократических уз. В классическом мире мысль получает чисто светское направление, государство — чисто гражданское развитие. За синтезом следует период анализа, за первобытным единством — разложение»¹.

Причем, если мы сравним духовное и политическое развитие Западного и Восточного миров, то мы увидим, что христианство даже в эпоху Средневековья не в такой сильной степени подчиняет себе все стороны человеческого духа, как это делают и сегодня восточные религии. Христианство интересуется лишь отвлеченно-общей, нравственной стороной жизни индивидов. Христианство указывает небесную цель для человека, в земной же жизни предоставляется известная степень свободы — вспом-

ним этику протестантизма с ее установкой на достижение богатства и материального успеха как степени богоугодности человека. Постепенно такая установка приводит западные страны к современному демократическому государственному устройству.

Древнее государство, где так важны были клановые и кровно-родственные связи, поглощало отдельные личности, таким образом, в древности политический союз был началом и концом всего. Древнее государство представляло собой «изящную, но узкую рамку», которая не могла вместить в себя все проявления человеческой жизни. Именно этот факт и обусловил падение древних тираний: «Личность и нравственное или общественное начало явились в нем разлагающими элементами. Они расстроили художественную полноту политического организма и наконец довели его до разрушения. Древнее государство не могло вынести ни развития личных интересов, ни расширения тех начал, на которых держалось общественное здание»². В результате государство раздвоилось на два отдельных союза: церковь стала ответственной за религиозно-нравственную жизнь, а гражданское общество строилось на началах частного права, в основе которого стоял индивид со своими частными желаниями и стремлениями. Таким образом, в Средние века в европейских государствах происходила постоянная борьба двух начал — церкви и государства, где церковная власть зачастую брала верх.

Что касается эпохи Нового времени, то можно заметить, что демократические учения в Англии и Франции по своей сути возникают из стремления дворянства противопоставить права сословного представительства набирающему политическую

¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб., 2006. Т. 1. С. 34–35.

² Там же. С. 36.

силу монархическому абсолютизму. Так, во Франции идея представительства как гаранта личной свободы была «результатом тех стремлений, которые они запечатлели для развития Нового времени. В этом отношении английские учения непосредственно к ним примыкали, если не исторически, то логически. Дальнейший шаг, который они делают, состоит в том, что они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Историки политических учений любят повторять, что «Декларация прав человека и гражданина» есть результат естественного права и рационалистической философии»¹. В качестве же сущности английской политической либеральной традиции, берущей свое начало в XVII в. можно назвать веротерпимость и неотчуждаемую свободу воли. Это можно четко проследить в движении левеллеров в Англии с их требованием религиозной свободы — данную установку стимулировало постоянное преследование протестантов со стороны Карла I.

С развитием новоевропейской истории положение дел постепенно начинает меняться и светская власть начинает занимать господствующее положение в государстве. Но в отличие от древнего мира, где также господствовала «светская власть», в Новое время Средневековье начинает представляться уже как хаос и насилие над личностью в угоду церкви. Необходимо было создать новый рациональный порядок в устройении и функционировании государства на основе разума. Следовательно, точка отправления была здесь субъективная: «по-

требность человека выйти из анархического состояния и установить лучший порядок. Первоначальный путь мышления был также субъективный: рационализм»². И если в древности разнообразные элементы человеческой жизни были поглощены кланом и обществом, в Новое время эти элементы получили свое полное развитие — подчинение государству здесь не уничтожает, а сохраняет человеческую личность. Все это приводит к развитию индивидуализма, протестантской этики капитализма и экономики, равно как и большее развитие нравственного элемента в светской жизни. Так западные общества начали отрицать рабство и утверждать автономию государства от церкви. Также начинает подчеркиваться роль монархии, которая призвана свести воедино разнообразные силы и интересы в буржуазном обществе.

В развитии политического мышления новоевропейской философии можно проследить обратную тенденцию — она начинается с рационализма, после чего главенствующее положение занимает реализм. Реализм есть состояние нашего современного мира, который впоследствии, по мнению Чичерина, должен перейти к стадии универсализма. Рационализм как предтеча современной политической мысли состоит в том, что мыслители-рационалисты из некоего общего начала логически выводят все необходимые следствия. Эпоха рационалистического мышления получает свой расцвет в первой половине XVII в., причем как в чисто философском мышлении, так и в политических учениях. Декарт исходил из всеобщего сомнения и ставил мышление во главу угла философии; Гуго Гроций

¹ Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени XVI–XIX вв. М., 2011. С. 106.

² Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб., 2006. Т. 1. С. 37.

за несомненный факт и отправную точку философии брал тот факт, что человек есть существо «общежительное»: «По определению Гуго Гроция, естественным правом называется все то, что указывается разумом как необходимое для общежития. Таким образом, этот факт возводится в общее начало, из которого логическим путем выводятся все истекающие из него последствия. Исследование идет чисто рациональным путем»¹.

И подобных «отправных точек» мышления и, соответственно, философской методологии мыслители-рационалисты XVII в. находят множество: право, обязанности индивида, а также их различные сочетания. Все эти концепции объединяет, однако то, что основанием для выводов служат требования разума, а не наблюдение над эмпирическими явлениями, таким образом, философское мышление развивается путем чистого умознания, а не исследования данных опыта.

Как представляется, такое состояние дел в гуманитарных науках было насущной потребностью эпохи Нового времени — после эпохи средневековья исследователи отказались от опоры на Священное писание и стали опираться только на данные своего опыта и результаты собственного мышления. Таким образом, по мысли Чичерина, была разрушена первобытная связь с «объективным» миром; анализ уничтожил первоначальную непосредственность мирозерцания, а объективный мир стал восприниматься как что-то внешнее и чужое. «Чтобы дойти до твердого познания, надобно было начать с себя, узнать, что заключается в самом мышлении, каковы его требования и законы, что для него представ-

ляется необходимым и что противоречит разуму. Без этого одно внешнее познание дает лишь несвязную груду неосмысленных и подверженных сомнению фактов. Разум понимает только то, что отвечает собственным его законам. Можно сказать, что мысль настолько способна познавать внешний мир, насколько она познает само себя. Истинное познание объекта возможно только на основании всестороннего познания субъекта»².

Вследствие этого изменяется и мировоззрение ученых XVII века: они сначала создают свои собственные мыслительные конструкции, под которые «подгоняется» все многообразие внешнего мира. После этого происходит переход к объекту, от рационализма к реализму для того, чтобы свести оба эти элемента — субъективный и объективный — и обосновать свои логические умозаключения. Методологию рационализма можно оценить как прогресс в развитии науки, поскольку она способствовала очищению знания от пут анархического мышления и догм средневековья. Для создания совершенно нового корпуса общественных наук, включая право и политические науки, прежнее догматическое мышление было непригодным. Поэтому рационалистическое мышление и обратилось к своим собственным истокам и пошло путем чистого умознания. В результате этого, как полагает Чичерин, в философии права возникли четыре основных направления:

- учения общежительные,
- учения нравственные,
- учения индивидуальные и, наконец,
- учения идеальные — как уже было отмечено выше.

¹ Там же. С. 401.

² Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. С. 402.

Именно таким образом было заложены основы современных либеральных теорий, дальнейшее развитие и углубление которых помогло формированию современной политической, экономической и культурной картины мира.

Наиболее подробно мне хотелось бы осветить — как это заявлено в названии статьи — формирование демократических течения в английской и французской общественной мысли XVII–XVIII вв. На сегодня у нас в стране это достаточно малоисследованная область политической философии, без обращения к которой трудно понять такие процессы в современном мире как, к примеру, политический кризис на Украине и отношение к нему России и ведущих западных стран.

Итак, в XVII в. в Англии развернулась борьба двух политических направлений: одно защищало абсолютную власть Стюартов, другое же говорило о том, что верховная власть принадлежит всему английскому народу. Так, английский поэт *Мильтон* выступал на стороне республиканцев и написал целый ряд трактатов на эту тему. Мильтон полагал, что ни один человек не может отрицать тот факт, что все люди по своей природе рождаются свободными личностями. Люди были созданы по образу и подобию Бога и призваны — в отличие от других тварей земных — не повиноваться, а властвовать. Однако когда состояние хаоса и «войны всех против всех» в первобытных обществах достигает своего апогея, начинают возникать города и государства и начинает создаваться верховная власть в государствах как гарант спокойствия и порядка.

Для удобства и порядка верховная власть была вверена одному или нескольким индивидам, на которых полагалось большинство населения — так появились

короли и сановники. Со временем эта власть начала злоупотреблять своими полномочиями — так народ осознал необходимость создания законов, ограничивающих верховную власть в государстве. Кроме этого, был создан институт присяги при вхождении в должность королей и сановников: «Из всего этого ясно, что власть королей и сановников чисто производная. Она возложена на них народом как поручение, для общего блага. Источник же власти постоянно остается в народе. Верховная власть не может быть у него отнята без нарушения прирожденного всем гражданам права»¹. Мильтон утверждает, что христианство и абсолютная власть правителей совершенно несовместимы; общежитие людей в государстве требует, чтобы люди соединили свои силы для самосохранения и ограждения себя от насилий, а не для безоговорочного подчинения своей воли желаниям и прихотям князя. Поскольку в государстве князь устанавливается для народа, народ всегда выше его и может сменить его, когда посчитает его недостойным.

Именно в этом положении коренится англосаксонское понимание демократического устройства государства — не покорное и раболепское следование власти, с одной стороны, и не путь революционного насилия и радикальной смены власти, порой кровавым путем, — с другой, а *легитимная* смена власти тогда, когда она перестает соответствовать ожиданиям большинства населения в государстве. Как видим, в Англии — в отличие от России, Германии или Восточных государств — эти идеи были высказаны, по меньшей мере, еще в XVII столетии. Таким образом, мы видим здесь совершенно иную «цивилизационную ма-

¹ Там же. С. 434.

трицу», сформировавшую идентичность и менталитет населения Англии, а именно полное отсутствие склонности к экстремизму в политике и развитие государственных структур в рамках действующих законов.

В своем обосновании демократического устройства государства Мильтон во многом полемизирует с Салмазием, который по поручению изгнанного Карла II написал свой трактат «Царская защита в пользу Карла I». В этом трактате Салмазий, принимая в качестве отправной точки авторитет Святого Писания, критикует основные политические установки республиканцев. Среди прочего, Салмазий отстаивает положение о том, что верховная власть по существу своему не имеет над собою высшего судьи.

Мильтон возражает на это тем, что утверждает, что верховная власть никогда не может принадлежать царю, ибо царь «держит власть свою по поручению народа и для пользы последнего. Дать какому бы то ни было смертному власть над собою иначе, как в виде доверенности, было бы верхом безумия. Ни в каком народе, имеющем свободную волю, нельзя предполагать такой глупости, чтобы он добровольно сделал себя рабом. Истинная верховная власть всегда лежит в народе»¹. Как видим, Мильтон подчеркивает равенство всех англичан — будь то рядовой гражданин, государственный чиновник или даже король Англии — перед законом все равны в одинаковой степени.

Таким образом, как полагает Чичерин, здесь раскрывается полная теория народной власти. И если Гоббс и его последователи также производили верховную власть из требований общежития, от народа, то затем они все же выступали за безусловное подчинение подданных правителю. Это

противоречит установкам демократов, полагавших, что власть не только первоначально принадлежит народу, но и *всегда* за ним остается. «Общежитие, по их мнению, вовсе не требует, чтобы народ отказался от своей власти и перенес ее на другое лицо. Напротив, самосохранение устраняет такие образы правления, которые ведут к произволу и рабству. Народ может оградить себя от насилия, только удерживая за собою верховное право и вверяя власть сановнику единственно как *исполнителю*, в виде поручения. В силу этих начал одна республика может считаться правомерным политическим устройством, ибо она одна совместна с природною человеку свободой, которая, по этому учению, состоит именно в праве распоряжаться государственным управлением»². В основе демократического государства должна лежать общественная власть, подчеркивает Мильтон.

Необходимо отметить, что политическая теория Мильтона не лишена недостатков. Так, Чичерин полагает, что Мильтон, защищая демократию, строит здание, которое «лишено настоящего основания». Мильтон исходит из теории общежития, которая производит власть из первоначального договора людей во имя самосохранения — и в этом он показывает лишь преимущество того или иного образа правления, но никак не *обосновывает* правомерность определенного типа правления. Тем не менее, не вдаваясь в тонкости и детали теоретического обоснования и проработанности положений теории политического Мильтона, его размышления наглядно демонстрируют нам, так сказать, «дух» свободолюбивой английской политической традиции и менталитет англичан.

¹ Milton. A Defence etc. Ch. 6.

² Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. С. 437 (курсив мой — Р.П.).

Другой английский мыслитель того времени Джон Голль в своих сочинениях пытался доказать, что монархическая власть в Шотландии произошла от насилия, основана на ложных умозаклчениях и на неправильном толковании Св. Писания. Если цари «уважаются в силу той власти, которую они обличены, а верховная власть во всяком образе правления одна и та же, то из этого следует, что республиканскому правлению принадлежит совершенно такое же божественное право, как и монархическому. [...] защитники монархии обыкновенно довольствуются общими доводами в пользу власти, между тем как необходимо доказать в частности, что известный монарх действительно имеет законное право на престол. Спрашивается: откуда может проистекать подобное право? Источник его может быть двоякий: свободный выбор народа и завоевание, которое в свою очередь порождает третий способ приобретения власти — наследство»¹.

Завоевание как результат насилия ни в коем случае не рождает права, а потому такая власть не может быть передана по наследству. Если защитники монархии говорят о естественном законе, берущем свои истоки еще в Священном Писании, то, как полагает Голль, они должны при этом доказать, что природа наделила людей неравною свободой: одни созданы господами, а другие — слугами, что является ложным утверждением. По мнению Чичерина, главная заслуга Голя состоит в том, что в его учении в зародышевой форме можно найти идеи о неотъемлемых правах человека, которые позднее в Англии получили свое более систематическое развитие.

Другим известным приверженцем республики в Англии VII в. был Яков Гаррин-

гтон. По его глубокому убеждению, республика — это тот тип правления, когда в государстве господствуют законы, а не люди. Именно законы и право способны позитивно воздействовать на людей в обществе и привести к общественному прогрессу человечества. Гаррингтон разводит правление законное (*de jure*) и правление фактическое (*de facto*).

Сущность законного правления состоит в справедливости и беспристрастности, это как раз и есть правление законов, а не людей. Фактическое правление — это искусство, посредством которого один индивидуум или группа лиц правят государством в соответствии со своими личными интересами — это уже правление людей, не законов. Первый тип правления получил название *демократии*, второй — *монархии* или *аристократии*. Для Гаррингтона, как и для Гоббса, основной движущей силой в обществе является человеческая воля и человеческий интерес: «там, где властвуют немногие лица, господствует частный интерес, напротив, где правление принадлежит всем, там естественно властвует интерес общий. А так как разум вообще не что иное, как интерес, то народное правление наиболее приближается ко всеобщему или правому разуму. Поэтому оно может быть названо правлением разума или закона»².

Чичерин подчеркивает, что Гаррингтон не всякое народное правление признавал разумным и законным. Для того, чтобы народное правление было разумным и законным, необходимы материальная сила и хорошее устройство общества. Материальная сила — это богатство и собственность, которые служат опорой для власти. Там, где

¹ Там же. С. 442–443.

² Harrington. *Oceana*. Prelim. P. 46; Harrington. *The Prerogative of Popular Government*. Ch. 2.

перевес собственности склоняется на сторону народа — там и возникает демократия. В противном случае мы имеем аристократию или монархию. Там, где власть основана не на материальной силе — богатстве, — там господствует насилие как способ удержания власти в государстве.

Чичерин обнаруживает слабые места и в теории Гаррингтона, когда последний говорит о том, что чистая монархия возможна лишь там, где большая часть земли принадлежит государю — это положение опровергается фактами истории самой Англии. Гаррингтон явно недоценивал влияние движимой собственности: вследствие этого он всю английскую революцию объяснял «передвижением поземельной собственности из рук аристократии в руки народа. На этом основании он утверждал даже, что в Англии невозможно иное правление, кроме республиканского, и что всякие попытки установить иное устройство ни к чему не поведут. Между тем последующая история показала всю несостоятельность этих выводов. В сущности, сила либеральной партии в Англии лежала не столько в поземельной собственности, сколько в городах, центрах движимого имущества»¹.

Таким образом, Гаррингтон политическое здание демократического устройства строит на фундаменте аграрных законов. Также он подчеркивает важность наличия в государстве таких институтов как армия и государственный совет. Говоря о выборной системе в государстве, Гаррингтон выделяет два основных момента: свободу избирателей и равенство граждан. Свобода избирателей обеспечивается процедурой тайного голосования, равенство граждан

в государстве достигается с помощью «круговорота» или «очереди избираемых». Именно так обеспечивается ротация кадров и государственные выборные должности не остаются постоянно в руках немногих граждан.

Что касается выборов, то здесь важна следующая процедура: предложение лиц или мер предоставляется немногим, а сам выбор или решение — уже всем гражданам государства. Именно так возможно справедливое и разумное построение верховной власти. «Изобретение есть дело одного или немногих, ибо на это нужна мудрость; но суждение о том, что требуется интересом всех, должно быть предоставлено всему народу, который один имеет в виду общую, а не частную пользу»². Поэтому предварительное обсуждение и предложение законов проходят в сенате, а утверждение законов — прерогатива народных представителей. В этих двух собраниях сосредоточена законодательная власть, которая является верховной властью в государстве. Исполнительная же власть являет собой другое крыло власти.

По мнению Гаррингтона, это единственно правильное республиканское государственное устройство — и хотя верховная власть имеет здесь неограниченный характер, как и в монархиях, — она все же уравновешена, ибо она распределена между различными органами власти в государстве. Гаррингтон даже утверждает, что в мировой истории нет такого примера, когда республика, в которой господствует равенство, была бы побеждена монархом. Чичерин отмечает, что несмотря на всю логичность и продуманность рассуждений Гаррингтона, английская революция показала, что народ, имеющий в своих руках верховную

¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. С. 448.

² Harrington. Oceana. P. 47.

власть, имеет законное право устанавливать тот образ правления, который ему [народу] хочется — так в Англии народ снова восставил монархическое правление.

Тем не менее, демократические убеждения не исчезли и свобода стала знаменем виггов. Одним из самых талантливых мыслителей этой партии был Альджерон Сидней, учение которого как бы подводит итог всего предыдущего развития демократических идей в Англии и знаменует собой переход к новой ступени в развитии демократических учений.

В своем сочинении «Речи о правительстве» Сидней обосновывает врожденную свободу человека и понимает ее как участие в установлении закона или верховной власти, т.е. как свободу *политическую*. Чичерин отмечает, что эти идеи позднее развивал Руссо. Происхождение государства, по мнению Сиднея, вытекает из развития чувства самосохранения у людей: избавиться от зла можно только «соединением многих в одно тело, так чтобы отдельные лица защищались совокупными силами всех. Таким образом, частное право каждого вносится в общий склад, и естественная свобода ограничивается ввиду большого блага. Но через это люди не становятся рабами, они сохраняют право ограничивать свою свободу настолько, насколько это нужно для общей пользы, устраивать общество, как им кажется лучше, устанавливать те правительства, какие им вздумается [...] Кому принадлежит право устанавливать, тому принадлежит и право отменять. [...] Поэтому народ всегда имеет право сменять королей, злоупотребляющих своею властью»¹. Установление правительства в госу-

дарстве предполагает заключение договора между правителем и народом. У Сиднея теория договора приводится к установлению условий, которые полностью зависят от воли народа и законы в государстве всегда зависят от воли народа. Установление всякого правительства и издание законов есть дело произвольное — оно зависит от воли людей. Хорошее правительство имеет такую же «произвольную» власть, как и дурное — с тем, однако, отличием, что при хорошем правительстве устройство власти и законы служат общему благу, а не группе олигархов.

Чичерин отмечает, что концепция демократического государства Сиднея — как и у его предшественников — не лишена противоречий. Так, входя в диссонанс со своими собственными более ранними утверждениями, Сидней признает законность чистой монархии и оценивает ее как «правильную» политическую форму правления. Одновременно Сидней утверждает и то, что порядок, постоянство и добродетель проистекают единственно из свободы: «Порядок состоит в том, чтобы каждый был поставлен на свое место, а это возможно только при свободе, ибо здесь правление вручается лучшим и достойнейшим людям, между тем как в монархии верховный сан предоставляется случайности рождения, а потому может попасть в руки женщин [! — Р.П.], детей или слабоумных. [...] Народное правление держится единственно добродетелью, а потому для народа выгодно ее поддерживать, тогда как власть монарха требует унижения подданных, следовательно, способствует развитию всех дурных наклонностей человека. В республике все заботятся об общем благе, ибо все участвуют в решении общих дел; в монархии

¹ Sidney. Discourses concerning government. Ch. I. Sect. 6, 10.

господствуют частные интересы, интриги и раболепство»¹.

Подобная противоречивость суждений Сиднея, по мнению Чичерина, была присуща всем английским демократическим мыслителям XVII столетия, что свидетельствует о незрелости политической теории либерализма той эпохи. Это происходило от того, что ни один из этих мыслителей не исследовал начал естественного права. Возражая защитникам монархического типа государственного устройства, мыслители-демократы опровергали, скорее, следствия из монархических учений, но они не подвергали критике самые основы таких учений.

Все возражения демократов против правомерности монархического правления ограничивались тем, что «добровольное подчинение народа единому лицу должно считаться безумным и постыдным. Но это эпитет, а не доказательство. Из теории общежития точно так же вытекает возможность монархического правления, как демократического и смешанного, ибо все они равно способны охранять порядок в обществе, и монархия нередко лучше, нежели демократия. Признавая смешанное правление совершеннейшим из всех, демократы этим опровергали свои собственные положения»². Задача исследования идей естественного права на основаниях начала свободы было той перспективой, к которой начала двигаться последующая демократическая мысль Запада.

Тем не менее, работа, проделанная английскими демократами-публицистами в XVII в. не была напрасной. Как и первая

революция в Англии, так и труды Сиднея, Гаррингтона, Мильтона и Голля были тем фундаментом, тем первоначальным этапом в развитии демократических теорий государственного устройства, опираясь на который уже такой известный философ, как, например, Джон Локк, смог создать свою цельную и продуманную теорию естественного права и стать основателем индивидуальной школы в философии. Кроме того, как уже было отмечено выше, работы английских демократических мыслителей XVII в. показывают нам, насколько глубоко были укоренены идеи свободы и правового демократического государства в английской духовной и интеллектуальной традиции на протяжении ее истории. Другим важным моментом является тот факт, что английская либерально-демократическая традиция очень сильно повлияла на становление либеральных идей в других западных странах того времени — прежде всего в США и во Франции. Более подробно мне хотелось бы сейчас рассмотреть формирование либеральных идей во Франции XVII–XVIII вв.

Французская общественная мысль XVIII в. характеризуется ростом буржуазной идеологии и кануном буржуазной революции 1789 г., подготовленной как идеями эпохи гуманизма в Европе XIV–XVI вв., так и, как было отмечено выше, идеями английской политической литературы XVII–XVIII вв. Формирование новых либерально-демократических традиций во Франции происходило в русле светского гуманистического мировоззрения, противопоставившего церковным авторитетам феодальной эпохи прошлого идеи свободного развития человеческой личности, а аскетической морали средневековья — обращение к земным радостям и потребностям свободного человека, действующего в соответствии со сво-

¹ Ibid. Ch. II. Sect. 11–28.

² Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. С. 458–459.

ей собственной волей. «Гуманизм немало сделал, чтобы вытеснить из человеческого сознания потусторонний мир религиозной фантастики и потавить в центре человеческих интересов реальную земную жизнь. Большой толчок дальнейшему развитию буржуазной идеологии дала Английская революция XVII в., происходившая в процессе революции борьба социальных интересов и политических программ»¹.

Если сравнивать либерально-демократическое развитие Англии и Франции в XVII–XVIII вв., то можно заметить, что политические теории, отражающие интересы нового класса буржуазии в Англии оформляются раньше, чем во Франции. Это выразилось, как было сказано выше, в широком развитии конституционных, республиканских и демократических идей в Англии того времени. Поэтому не случайно, что во Франции XVII в. идеи Дж. Локка о гражданском управлении, о естественном праве, о народном суверенитете, о народном представительстве и законности восстаний против тиранов помогли выработке собственных концепций «просвещенной монархии» и «просвещенного абсолютизма», что явилось большим шагом вперед по освобождению от пут засилья власти феодального дворянства.

Первые проблески подобных умонастроений можно найти уже в трактате *Бодена* «Государство», которые позднее получили свое развитие у *Дюбо* («Критическая история установления французской монархии» — 1734 г.) и *д'Аржансона* («Размышления о старинном и современном управлении Францией» — 1737 г.). Также большую роль в становлении и формировании нового ли-

берально-демократического мировоззрения во Франции XVII–XVIII вв. сыграла теория естественного права, развитая ранее в работах Гроция, Спинозы, Гоббса и Локка.

Среди французских мыслителей-просветителей на первое место можно поставить *Вольтера* с его отстаиванием ценностей свободы, равенства и права каждого человека на собственность. Понятие свободы Вольтер рассматривает комплексно и говорит как о личной свободе человека, так и о свободе совести и вероисповедания и о «свободе труда», т.е. о праве каждого индивида выбирать, кому можно продать свой труд по самой высокой цене, ибо труд есть «собственность тех, кто не имеет собственности». При этом равенство понимается как формальное гражданское, а не имущественное равенство, тогда как собственность является необходимым признаком полноправного свободного гражданина, имеющего право полноценного голоса при решении государственных проблем. В. П. Волгин справедливо отмечает в этой связи, что «в своем отношении к свободе, равенству и собственности Вольтер является бесспорным вдохновителем авторов Декларации прав 1789 г., деятелей Учредительного собрания, глашатаем идущей к власти буржуазии»².

Вольтер постоянно обращается к английской конституции и сравнивает Англию с Римом. Примечательно, что гражданские войны в Англии и Риме привели к прямо противоположным результатам: в Риме они способствовали возникновению системы рабства, тогда как в Англии — развитию свободы и появлению гражданского общества: «Английская нация — единственная нация на земле, которой удалось,

¹ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 3.

² Там же. С. 25.

оказывая противодействие королям, урегулировать королевскую власть, которая путем ряда усилий установила, наконец, разумное правление, где у государя, всемогущего в добре, связаны руки, чтобы делать зло [...] и где народ участвует во власти без беспорядка»¹.

Рассуждая о законах, Вольтер подчеркивает, что «наилучшие законы — в Англии: правосудие, отсутствие произвола, ответственность должностных лиц за нарушение свободы граждан, право каждого высказывать свое мнение устно и письменно. Две партии следят одна за другой и оспаривают честь охраны общественной свободы. [...] Не давайте же разрушить этот памятник, который вам так дорого стоил. Человек рожден свободным. Лучшее правление то, которое по возможности сохраняет за каждым этот дар природы»².

Обращаясь к политической ситуации во Франции и в мире, Вольтер полагает, что если в процессе политического развития не произойдет мирный переход от неограниченной монархии к ограниченной монархии, то следует ожидать вспышки ряда революций. Однако, политическая мысль Вольтера не стояла на месте и претерпевала постепенную эволюцию: со временем, к 60-м годам, когда он работал над своим «Философским словарем», он начинает испытывать сомнения в возможности мирного установления правления ограниченной монархии и открыто высказывает свои симпатии по поводу республиканской модели государственного устройства. Не может быть совершенных правителей, поскольку все люди в той или иной степени обу-

ваются страстями, и наиболее терпимый политический строй государства — это республика. «В республике управление — воля всех, выполняемая одним или несколькими на основе законов, принятых всеми. Республика более всего приближает людей к естественному равенству. С другой стороны, республика более всего обеспечивает свободу. В республике люди чувствуют себя увереннее в своей собственности и в своих правах»³.

Другой известный французский мыслитель эпохи Просвещения — *Монтескье*, который также высоко ценил политическое устройство в Англии, где народ не дает королю возможности стать деспотом. В английской политической культуре само собой разумеющейся считается мысль о том, что неограниченная власть короля не может быть законной. При этом Монтескье особенно выделяет понятие свободы индивида, которое согласно с разумом, человечностью и природой. В «Духе законов» Монтескье подчеркивает, что политическая свобода отнюдь не означает вседозволенности, поскольку в государстве, где есть законы, свобода означает право человека делать то, что разрешено законом. «Политическая свобода возможна лишь там, где нет нарушающих ее злоупотреблений властью. А чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы сдерживать друг друга»⁴.

В государстве исполнительная власть должна быть сосредоточена в руках одного лица — монарха, а законодательная власть

¹ Voltaire. *Lettres philosophiques*, T. I. Paris, 1937. P. 89–90.

² Voltaire. *Oeuvres complètes*, T. XXXVI. Paris, 1785. P. 311–315.

³ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 28.

⁴ Montesquieu Ch. L. *Oeuvres complètes*. T. III. Paris, 1876. P. 4–5.

не должна иметь права вмешиваться в действия власти исполнительной — законодательное собрание может лишь «проверить» исполнение законов. Для Монтескье именно английская конституция была образцом и примером для построения других конституций. В Англии господствуют свобода слова и свобода вероисповеданий. При всех достоинствах демократического государственного устройства в Англии свобода не уничтожает сословных делений в обществе, но она все же сближает представителей различных сословий, люди знатные в этой стране ближе к народу, чем в других странах и людей ценят, прежде всего, за их деловые качества — за личное достоинство и богатство¹. По мнению Монтескье, личная и политическая свободы стимулируют развитие не только политики, но и экономики в Англии, освобождают мышление граждан от закоренелых догм и традиций и направляют его на продуктивное развитие промышленности и торговли.

Таким образом, как можно было увидеть, все симпатии Монтескье находятся на стороне либерально-демократических свобод — идеи религиозной терпимости, свободы слова и печати, ограниченного народного представительства — все эти идеи и заложили фундамент современного понимания либеральных концепций государственного устройства. Однако, по замечанию В. П. Волгина, теория общественного устройства Монтескье — это теория компромисса и несет в себе отпечаток настроений дворянина, «не желающего расстаться с привилегиями своего сословия»². Поэтому Французская революция пошла

значительно дальше умеренной конституционной программы Монтескье.

Необходимо отметить, что при развитии либеральных идей во Франции XVII–XVIII вв. широко использовался опыт не только английской политической философии и конституционной монархии, но и системы политического устройства в США. Декларация независимости и конституция США явились результатом и практическим воплощением развития англо-американской политической мысли XVII–XVIII вв. Теоретический итог развития политической мысли в США не был чем-то принципиально новым: он был задан «английской буржуазной революцией XVII в., английскими политическими теоретиками XVII–XVIII вв., частично теоретиками французскими (идея неотчуждаемых прав человека, народного суверенитета, разделения властей и т.д.). Но факт юридического оформления положений, которые до того находили место лишь на страницах политических трактатов, сам по себе имел громадное историческое значение, особенно для буржуазии Франции — страны, стоявшей на пороге буржуазной революции»³. В США теоретические установки доктрины либерального государственного устройства были успешно воплощены в практической политике и доказали свою силу, жизнеспособность и огромный потенциал для будущего развития этой системы. П. И. Новгородцев подчеркивает, что французская декларация прав есть не более как «список с соответствующих американских деклараций, и что эти последние представляют собою выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские

¹ Ibid. P. 346.

² Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 59.

³ Там же. С. 327.

индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины»¹. Поэтому можно утверждать, что именно идеи английского и американского либерализма и послужили теоретическим источником

для как для подготовки буржуазной революции во Франции 1789 г., так и для формирования собственной демократической доктрины с ее знаменитым девизом «свобода-равенство-братство».

Библиография

1. Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. М., 1970.
2. Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.
3. Вольтер. Философские сочинения. М., 1986.
4. Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976.
5. Коркунов Н. М. История философии права. М., 2011.
6. Милль Дж. Ст. Огражданской свободе. М., 2012.
7. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. М., 1936.
8. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени XVI–XIX вв. М., 2011.
9. Пархоменко Р. Н. Идея свободы в эпоху Возрождения и Новое время // Философия и культура. — 2014. — № 2.
10. Пархоменко Р. Н. Идея свободы в консервативной интеллектуальной традиции: Россия и Германия. М., 2014.
11. Покровский Н. Е. Ранняя американская философия: пуританизм. М., 1989.
12. Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб., 2006. Т. 1.
13. Acton J. The History of Freedom. Boston, 1948.
14. Adler M. J. The idea of freedom 1.2. New York, 1958/59.
15. Alexander A. Theories of the Will in the History of Philosophy. New York, 1898.
16. Bay Ch. The structure of freedom. Stanford, Calif., 1958.
17. Bhaskar R. Philosophy and the Idea of Freedom. Blackwell Pub, 1991.
18. Bourke Vernon J. Will in Western Thought, An Historical-Critical Survey. New York, 1964.
19. Garaudy R. Die Freiheit als philosophische und historische Kategorie. Berlin, 1959.
20. Harrington H. J. The Oceana and other works of James Harrington. London, 1737.
21. Harrington H. J. The Prerogative of Popular Government. London, 1700.
22. Henne R. Der englischen Freiheitsbegriff. Aarau, 1927.
23. MacKeon R. Freedom and History. New York, 1952.
24. Miller D. The Liberty Reader. Edinburgh, 2006.
25. Milton J. A defence of the people of England. The second defence of the people of England. London, 1910.
26. Montesquieu Ch. L. Oeuvres complètes. T. III. Paris, 1876.

¹ Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени XVI–XIX вв. М., 2011. С. 106.

27. Sidney A. Discourses concerning government. Indianapolis: Liberty Classics, 1990.
28. Voltaire. Lettres philosophiques, T. I. Paris, 1937.
29. Voltaire. Oeuvres complètes, T. XXXVI. Paris, 1785.
30. Walker P. The Restatement of Liberty. London, 1952.
31. Wallich H. Cost of Freedom. New York, 1960.

References (transliterated)

1. Apteker G. O prirode demokratii, svobody i revolyutsii. M., 1970.
2. Volgin V. P. Razvitie obshchestvennoi mysli vo Frantsii v XVIII veke. M.
3. Vol'ter. Filosofskie sochineniya. M., 1986.
4. Karimskii A. M. Revolitsiya 1776 g. i stanovlenie amerikanskoi filosofii. M., 1976.
5. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava. M., 2011.
6. Mill» Dzh. St. Ograzhdanskoi svobode. M., 2012.
7. Montesk'e Sh. L. Persidskie pis'ma. M., 1936.
8. Novgorodtsev P. I. Lektsii po istorii filosofii prava. Ucheniya Novogo vremeni XVI–XIX vv. M., 2011.
9. Parkhomenko R. N. Ideya svobody v epokhu Vozrozhdeniya i Novoe vremya // Filosofiya i kul'tura. — 2014. — № 2.
10. Parkhomenko R. N. Ideya svobody v konservativnoi intellektual'noi traditsii: Rossiya i Germaniya. M., 2014.
11. Pokrovskii N. E. Rannaya amerikanskaya filosofiya: puritanizm. M., 1989.
12. Chicherin B. N. Istoriya politicheskikh uchenii. SPb., 2006. T. 1.
13. Acton J. The History of Freedom. Boston, 1948.
14. Adler M. J. The idea of freedom 1.2. New York, 1958/59.
15. Alexander A. Theories of the Will in the History of Philosophy. New York, 1898.
16. Bay Ch. The structure of freedom. Stanford, Calif., 1958.
17. Bhaskar R. Philosophy and the Idea of Freedom. Blackwell Pub, 1991.
18. Bourke Vernon J. Will in Western Thought, An Historical-Critical Survey. New York, 1964.
19. Garaudy R. Die Freiheit als philosophische und historische Kategorie. Berlin, 1959.
20. Harrington H. J. The Oceana and other works of James Harrington. London, 1737.
21. Harrington H. J. The Prerogative of Popular Government. London, 1700.
22. Henne R. Der englischen Freiheitsbegriff. Aarau, 1927.
23. MacKeon R. Freedom and History. New York, 1952.
24. Miller D. The Liberty Reader. Edinburgh, 2006.
25. Milton J. A defence of the people of England. The second defence of the people of England. London, 1910.
26. Montesquieu Ch. L. Oeuvres complètes. T. III. Paris, 1876.
27. Sidney A. Discourses concerning government. Indianapolis: Liberty Classics, 1990.
28. Voltaire. Lettres philosophiques, T. I. Paris, 1937.
29. Voltaire. Oeuvres complètes, T. XXXVI. Paris, 1785.
30. Walker P. The Restatement of Liberty. London, 1952.
31. Wallich H. Cost of Freedom. New York, 1960.